

КОГДА ЛЁД СКРЫВАЕТ НЕ ТОЛЬКО ТАЙНЫ,
НО И СОЗДАТЕЛЕЙ.

ШОУВ

САВЕЛЬЕВА МЕЛИССА

Савельева Мелисса

Шов

«Автор»

2026

Мелисса С.

Шов / С. Мелисса — «Автор», 2026

Ты тоже это замечал: капля на стекле повторяет свой путь, прохожий улыбается точь-в-точь как продавщица в магазине минутой раньше, а мир иногда кажется декорацией. Ты списываешь на усталость? И зря. Сильвия гляциолог, изучает древний лёд и однажды видит в нём то, чего там быть не может: чёрную линию. Это оказался символ. С того момента её жизнь превратилась в бегство. Потому что люди вокруг не люди. И Система не прощает тех, кто проснулся. Говорят, выход есть в Антарктиде. На Полюсе недоступности, где стоит заброшенная станция с мёртвым бюстом Ленина внутри. Сильвия отправляется туда, но не одна, а со своей командой. За ними идут, за ними следят, но они не остановятся. Теория о матрице. Вот что вдохновило меня на этот сюрреалистичный роман.

© Мелисса С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Савельева Мелисса

Шов

Глава 1

Я стою у окна своей квартиры и смотрю, как белые хлопья опускаются на асфальт, мгновенно превращаясь в грязную кашу. Октябрь. Листья ещё не облетели. Клёны во дворе стоят золотые, растерянные, и снег ложится на их кроны, как преждевременная седина. Город не готов к зиме. Коммунальщики не готовы. Я не готова. Но снегу плевать. Он падает, застилая собой несовершенства мира, как корректирующий слой в фотошопе.

Меня зовут Сильвия Нордстрем. Мне тридцать четыре года, старший научный сотрудник института полярных исследований, гляциолог, специалист по древнему льду. Последние двенадцать лет я изучаю то, что старше человеческой цивилизации, то есть ледяные керны, извлечённые с глубин Антарктиды, Гренландии, с ледников Патагонии. Я читаю лёд, как другие читают книги. Каждый слой это страница. Каждый пузырёк воздуха, запечатанный во льду сто тысяч лет назад - это слово. Я понимаю язык холода лучше, чем язык людей. Возможно, поэтому у меня нет друзей. Впрочем, это не совсем правда. У меня есть коллеги. Есть знакомая из книжного магазина, с которой мы иногда пьём кофе и говорим о погоде. Есть соседка, которая поливает цветы на лестничной клетке и всегда здороваётся первой. Но друзей, таких, чтобы позвонить в три часа ночи и сказать: «Мне кажется, мир сошёл с ума» - у меня нет. Раньше был один человек, но это было давно, и это кончилось плохо.

Я отхожу от окна. Квартира моя невелика: две комнаты, кухня, совмещённый санузел. Я живу здесь уже девять лет и до сих пор не могу избавиться от ощущения, что это временное жильё. Как будто я собрала чемодан, но он стоит в прихожей, и однажды утром я возьму его и уеду. Куда? Я не знаю. Но это чувство не покидает меня, словно заноза под ногтём. Я обставила квартиру просто: светлые стены, минимум мебели, много книг. Книги заменяют мне собеседников. Они не задают вопросов, на которые у меня нет ответов.

На кухне я включаю чайник. Ровно в семь тридцать вечера, как всегда. Ужин по расписанию, жизнь по расписанию. Я не замечала за собой этой привычки, пока однажды не поймала себя на том, что смотрю на часы с тревогой: без пятнадцати семь, а я ещё не поужинала, и мир начинает трещать по швам. Это была шутка, тогда шутка... Теперь я понимаю, что трещины действительно были, я просто не хотела их замечать. Чайник закипел, я завариваю зелёный чай: одну ложку заварки, воду остудить до восьмидесяти градусов, настаивать три минуты. Ритуал. Я люблю ритуалы, они создают иллюзию контроля над хаосом, но хаос всегда сильнее.

Сегодняшний день начался обычно: институт, лаборатория, микроскоп. Я работала с керном, поднятым со станции «Восток» в прошлом году. Глубина - три тысячи двести метров, возраст - примерно четыреста тысяч лет. Четыреста тысяч лет назад по нашей земле ещё бродили неандертальцы, а этот лёд уже лежал в антарктической толще, храня в себе пузырьки воздуха, который вдыхали мамонты. Я посмотрела в окуляр микроскопа, и вдруг...Нет. Не «вдруг». Слово «вдруг» предполагает, что до этого всё было нормально, но нормально не было уже давно, просто я не разрешала себе об этом думать, а сегодня разрешила. В микроскопе, среди кристаллической решётки льда, я увидела что-то, чего там быть не могло. Там было не минеральное включение, не пыльца доисторического растения. Это была... линия. Идеально прямая, чёрная линия, пересекающая поле зрения по диагонали, как будто кто-то процарапал её иглой. Я проверила объектив, там чисто. Проверила покровное стекло, оно без дефектов. Линия была внутри льда. Яркая, чёткая, абсолютно инородная. Когда я сдвинула препарат, линия осталась

на месте. Когда я покрутила фокусировку, то она исчезла. А потом появилась снова, но уже в другом месте.

Час я просидела над этим керном. Линия появлялась и исчезала, словно дразнила меня. Чем дольше я смотрела, тем отчётливее мне казалось, что она не просто линия, а часть какой-то структуры. Буква или символ или фрагмент более сложного узора, который я не могла увидеть целиком.

В шесть вечера я сдалась. Выключила микроскоп, убрала керн в холодильную камеру и ушла домой. По дороге домой купила хлеб и молоко. Продавщица в магазине улыбнулась мне обычной дежурной улыбкой, но в этот раз я заметила, что улыбка задержалась на её лице на долю секунды дольше, чем нужно, будто она забыла её выключить, или будто кто-то забыл нажать «стоп». Я списала это на усталость и зря. Теперь я сижу на кухне, пью чай и думаю о том, что странностей в моей жизни накопилось больше, чем я могу игнорировать. И линия во льду последняя капля. Не последняя, потому что она самая страшная, а последняя, потому что она разрушила мою способность притворяться.

За окном падает снег очень некстати, не ко времени, не по сезону. Снег в октябре это разве нормально? Климат меняется, говорят учёные. Я сама учёный, я знаю, но этот снег пахнет ложью, декорацией, которую второпях поставили не те рабочие. Как будто кто-то перепутал осенний и зимний сценарий и запустил оба одновременно. Я допиваю чай и иду в спальню. На столе лежит ноутбук, я открываю его и долго смотрю на пустой экран. Потом, сама не зная зачем, открываю поисковик и вбиваю запрос: «прямая чёрная линия в структуре льда». В ответ ничего. Ни одной статьи, ни одного упоминания. Вбиваю по-английски. То же самое. Вбиваю запрос про «странное поведение прохожих» и тут же стираю его. Это уже паранойя. Я резко захлопываю ноутбук и ложусь спать. Снится мне белая пустыня: бескрайняя, безмолвная, лишённая ориентиров. Лёд до горизонта, и над ним как свинцовое небо. Я иду по этому льду босиком и не чувствую холода, а вдалеке кто-то стоит. Человеческая фигура. Я пытаюсь подойти ближе, но расстояние не сокращается. Иду час, два, три, а фигура всё так же далека. Тогда я кричу. Фигура поворачивается. У неё моё лицо и она говорит моим голосом: «Ты ещё спишь. Проснись!». Я просыпаюсь в четыре утра от собственного крика. Пульс подскочил. За окном всё ещё падает снег. И я понимаю, что-то началось. Что-то, чего я пока не могу объяснить. Завтра я пойду в институт и ещё раз посмотрю на тот керн. Возможно, это всё просто обман зрения? Возможно, я действительно перерабатываю. Или... Возможно, лёд пытается мне что-то сказать.

Утро начинается с тишины. Но это не та уютная тишина, когда просыпаешься в выходной и понимаешь, что никуда не надо спешить. Это тишина плотная, как ватное одеяло, которое набросили на весь мир. Я стою у подъезда и смотрю на заснеженный двор. Снег перестал идти где-то под утро, но за ночь навалило сантиметров десять, что много для октября. Город ещё не проснулся, дворники ещё не вышли, и снег лежит нетронутый, белый, как простыня в морге. Я иду к метро привычным маршрутом: два квартала пешком, мимо булочной, мимо круглосуточной аптеки, мимо сквера с детской площадкой. Каждый шаг я знаю наизусть, каждую трещину в асфальте, каждую лужу, которая не замерзает даже зимой из-за теплотрассы под землёй, но сегодня маршрут кажется чужим, как будто кто-то скопировал декорации и вставил их в новую сцену, забыв добавить освещение. Люди на улице движутся медленно. Их лица пустые и застывшие. Мужчина с портфелем, женщина с коляской, подросток в наушниках. У всех одинаковое выражение лица, то есть никакое. Не усталое, не грустное, не радостное, просто включённое, как монитор в режиме ожидания. Я ловлю себя на том, что разглядываю их пристальнее, чем обычно, и от этого становится не по себе. Мне тридцать четыре. Я учёный. Я не верю в теорию заговора, в рептилоидов, в тайное мировое правительство, но я верю в то, что вижу, а вижу я людей, которые ведут себя не как люди.

На углу, у булочной, я остановилась. Что-то было не так и я не сразу поняла, что именно. Было просто чувство, будто пространство вокруг меня сжалось на градус, стало плотнее. Я огляделась...Голуби. Они сидели на проводах. Штук двадцать, а может, больше. Все серые, взъерошенные после ночного снегопада. И все смотрели на меня. Не на хлеб, который крошила старушка у соседнего подъезда, не на кошку, крадущуюся вдоль стены, а на меня. Двадцать пар чёрных глаз-бусинок, неподвижных, как объективы камер. Я пошла быстрее. Голуби проводили меня взглядом, синхронно поворачивая головы, я немного испугалась и резко вернула за угол, прижалась к стене, сердце колотилось где-то в горле. Выждала минуту. Выглянула.

Птиц не было, а провода были пусты. Только снег, серое небо и ветер. Я сказала себе, что это совпадение, что голуби в городе ведут себя странно постоянно. Я просто перенервничала, наверное. В общем, соврала себе. И пошла дальше.

В вагоне метро я сажусь в угол и достаю книгу. Это старая монография по гляциологии, изданная ещё в советское время. Я читаю её не потому, что мне нужна информация, а потому, что она пахнет библиотекой, пылью и временем, запахом, который меня успокаивает. На странице 214 схема образования фирновых слоёв. Я смотрю на схему и вдруг замечаю, что линии на рисунке переплетаются не так, как должны. Например, вот эта горизонтальная линия должна быть прерывистой, а она сплошная. Вот эта стрелка указывает не в ту сторону. Я точно помню эту схему, ведь знаю её наизусть. Она изменилась. Я закрываю книгу и делаю глубокий вдох. «Так, Сильвия, спокойно. Ты просто не выспалась, у тебя же был тяжёлый день вчера. Схема не менялась, это всего лишь твой мозг играет с тобой». Но голос разума звучит неубедительно, будто бы я сама себе вру. Затем, на станции, где мне выходить, происходит странная вещь: двери вагона открываются, я выхожу, и в ту же секунду мужчина, стоявший рядом со мной в сером пальто и с портфелем тоже выходит и женщина с коляской и подросток в наушниках. Все четверо выходят на одной станции, хотя до этого я была уверена, что каждый из них ехал дальше. Они идут за мной по платформе, потом по эскалатору, потом к выходу. Я быстро ускоряю шаг и они ускоряют, я замедляю и они замедляют. Затем я останавливаюсь у газетного киоска и они останавливаются в нескольких шагах и делают вид, что смотрят в телефоны! Сердце колотится в горле. Я не параноик. Я никогда не была параноиком, но сейчас, в восемь пятнадцать утра, в людном метро, четыре человека идут за мной, и это не совпадение. Может, им просто в ту же сторону? Может, я схожу с ума? Я выхожу на улицу. Четыре фигуры выходят следом. Я иду к институту, оборачиваясь. Они идут за мной следом. У входа в институт я снова резко оборачиваюсь, готовая закричать, позвать охрану, сделать что угодно, но уже никого нет, только пустой тротуар и следы на снегу, которые ведут в разные стороны. Стало тихо. В институте меня встречает охранник. Его зовут Виктор Степанович, он работает здесь уже лет пятнадцать и я помню его с первого дня. Он кивает мне с улыбкой: «Доброе утро, Сильвия Аркадьевна». Улыбка задерживается на лице дольше, чем нужно, ровно на ту же долю секунды, что и у продавщицы вчера... - Доброе, - говорю я и прохожу через турникет. Сейчас мне хочется обернуться, но я не оборачиваюсь.

Поднявшись на третий этаж в лабораторию, я заметила что там пусто. Моя аспирантка Лена, появляется позже взъерошенная, как всегда, с пятном от кофе на мятом халате. Она единственная, кто сейчас работает со мной над антарктическими кернами, и единственная, кто ещё не вызывает у меня смутного чувства тревоги. Может, потому что она как хаос? Всё роняет, всё путает, забывает, куда положила образцы, и при этом схватывает всё на лету. В мире, который кажется мне всё более запрограммированным, Лена исключение. Она слишком несовершенна для алгоритма. - Сильвия Аркадьевна! - выпаливает она с порога, - Я вчера вечером ещё раз посмотрела на тот керн. На тридцать четвёртый. Помните, вы говорили про линию? Я думала, у меня галлюцинации, но нет, она там. И она двигается. Я замерла. - В смысле двигается? - Ну, не прямо двигается, - Лена роется в своей сумке, вытаскивает помятый блокнот, - Я зарисовала вчера в пять вечера линия была здесь. - Она показывает корявый рисунок.

- А в девять, когда я уходила, она была уже здесь и сместилась на полмиллиметра за четыре часа. Понимаете, что это значит? Я понимаю. Если линия двигается, это не статичный дефект. Это процесс. Но какой процесс возможен во льду, которому четыреста тысяч лет и который хранится при минус сорока? - Пойдём, - говорю я, - Покажешь.

Мы спускаемся в подвал, в холодильную камеру. Здесь холодно, как в могиле. Пар изогрота, иней на стенах, гул компрессоров. Лена достаёт контейнер с маркировкой «34-Б» и извлекает керн - цилиндр льда длиной около метра, запаянный в прозрачную плёнку. Мы кладем его на стол и включаем лампу. - Смотрите, - шепчет Лена, хотя шёпот здесь не нужен, - Нас никто не слышит. Но она шепчет, и я понимаю почему. Потому что происходящее кажется святотатством. Потому что мы смотрим на лёд, а лёд смотрит на нас. Я наклоняюсь. Чёрная линия видна невооружённым глазом. Она проходит внутри керна, параллельно слоям, но при этом пересекает их, не подчиняясь естественной геометрии кристаллов. Это игла, воткнутая в самую ткань реальности. И пока я смотрю на неё, я вижу, как она... мерцает. Очень слабо, на грани восприятия, будто бы в такт моему сердцебиению. - Ты видела такое раньше? - спрашиваю я у Лены. - Никогда. Я думала, это блик от лампы, но я выключала свет и линия осталась. Она сама по себе.

Я выпрямляюсь. В голове крутится множество мыслей, и ни одна не укладывается в рамки привычной науки. Я - специалистка по льду, знаю его физику, химию, кристаллографию. Во льду не может быть движущихся объектов, если это не живые организмы, а при минус сорока живых организмов не бывает, но это есть и оно двигается. - Лена, - говорю я, - кто-нибудь ещё знает об этом? - Нет. Я хотела сказать Рябинину, но потом передумала.

Правильно. Рябинин заведующий лабораторией, хороший мужик, но он из тех, кто сначала докладывает начальству, а потом думает. Если начальство узнает о странном керне, его изымут из наших рук, отправят в Москву, и мы никогда не узнаем, что это такое, а я должна узнать, потому что это знание это единственное, что сейчас имеет значение. - Мы никому не скажем, - решаю я, - Пока не разберёмся сами. Ты можешь сделать анализ изотопного состава, не внося в журнал? Лена кивает и глаза у неё горят, ведь ей нравится эта тайна. Она молодая, двадцать четыре года, и она ещё не разучилась воспринимать странности как приключение, а я уже разучилась, видимо. Или почти разучилась.

День проходит в рутине, я делаю вид, что работаю с другими образцами, заполняю всякие журналы и отвечаю на письма. Всё это время где-то на периферии сознания пульсирует мысль: «Что-то не так». И не только с керном, а еще с миром, людьми вокруг, с улыбкой охранника, которая задерживается на лице дольше, чем нужно, с пассажирами метро, которые шли за мной и вдруг исчезли и со снегом в октябре, который пахнет декорацией. В пять часов я уже собираюсь домой, Лена всё ещё сидит над керном. Она встает и говорит мне, что хочет провести ещё один тест, и я оставляю её в лаборатории, попросив запереться и никому не открывать. Она смеётся: «Вы как моя бабушка». Но я не смеюсь. Мне тревожно. Очень тревожно.

Наконец придя домой, я включаю свет. Квартира встречает меня привычной тишиной, но сегодня тишина кажется затаившейся, словно стены ждут чего-то. Я сажусь за стол, открываю ноутбук и впервые за долгое время записываю то, что со мной происходит. Не в научный журнал, а в мой личный дневник, который веду уже давно. Там я перечисляю события, странности и баги. Я пишу два часа подряд, пока не начинает болеть рука, а когда все же заканчиваю, то перечитываю и холодею. Записей больше двух десятков и каждая по отдельности ерунда. Тут померещилось. Тут показалось, тут усталость. Но вместе они складываются в картину, от которой волосы встают дыбом. Мир, в котором я живу, болен или я больна может. Что хуже? Я ложусь спать с этим вопросом. И мне снова снится белая пустыня. И снова эта непонятная фигура вдали. Опять слышу мой голос: «Ты ещё спишь. Проснись». В этот раз я не просыпаюсь от крика, я просыпаюсь от резкого стука в дверь. Он был глухой и металлический. Одним словом ритмичный. Я подумала стучит не человек, а машина. Стук в дверь. Время три часа

ночи. Я не иду открывать, стою в прихожей, подглядываю в глазок в надежде что-то увидеть, и понимаю: за дверью никого нет. Но стук продолжается. Тук. Тук. Тук. Ровный до мурашек, как метроном. Я заподозрила, что стучат не в дверь, а изнутри стены. Стук прекратился только под утро. Я не спала, а сидела на кухне, завернувшись в плед, смотрела на стену, прислушивалась и ждала. Чего ждала не знаю. Может того, что стена треснет и оттуда выглянет нечто, чему нет названия. Может, того, что я проснусь по-настоящему в своей постели, в нормальном мире, где стены не стучат, но я не проснулась и стена молчала как назло, а в семь утра зазвонил будильник, словно ничего не случилось.

Я не пошла на работу впервые за пять лет. Позвонила Рябинину и сказала, что заболела, в трубке голос мой звучал хрипло и убедительно. Рябинин пожелал выздоровления и положил телефон прежде, чем я успела попрощаться, короткие гудки и тишина. Сидела на кухне и думала. Это было трудно думать, потому что мысли разбегались, как тараканы при включённом свете, но я все же заставила себя сосредоточиться. Если отбросить версию о сумасшествии (а я отбросила не потому что была уверена в своём рассудке, а потому что эта версия ничего не объясняла), оставалось две возможности. Первая: я стала жертвой розыгрыша. Кто-то установил в моей квартире скрытые динамики и включает их по ночам. Но кто? Кому захотелось надо мной поиздеваться? У меня нет врагов. Нет бывших, которые мечтают отомстить и нет завистников. Я научная сотрудница с зарплатой, которой не позавидуешь, хах. Вторая: то, что происходит это реально. И тогда встаёт следующий вопрос: что именно происходит? Я открыла ноутбук и начала искать, но не научные статьи ведь их я уже перерыла и заходила на каждую по сто раз. Я искала другое. Свидетельства, истории людей, которые пережили похожий опыт. Я меняла формулировки, переходила с языка на язык, забиралась в самые тёмные углы интернета, форумы, где обсуждают теории заговора, сайты, похожие на цифровой мусор, блоги, заброшенные много лет назад. И в какой-то момент я нашла. Это был пост десятилетней давности на форуме, который уже не индексировался поисковиками. Я попала туда случайно, по цепочке ссылок. Пост назывался «СБОИ РЕАЛЬНОСТИ. У КОГО БЫЛО?». Автор загадочный некто под ником Monitor_Zero писал: «Я видел, как один и тот же человек прошёл мимо моего окна трижды за минуту, он прошел одной и той же походкой в руках пакет и в синем пальто!!!!!!! Это не дежавю. Это повтор. Кто-нибудь замечал такое???» Под этим постом было сорок шесть комментариев. Большинство, конечно, насмешки. Но пять или шесть были серьёзные. Одна женщина писала: «Мой муж иногда говорит фразы, которые я ещё не произнесла, он отвечает на мои мысли. Я проверяла, это не совпадение. Я думаю: „Надо купить хлеб“, и он через секунду говорит: „Да, купи хлеб“. Я молчу, а он отвечает, откуда он знает?». Другой комментатор: «Работаю в аэропорту и видел, как табло с расписанием на секунду показало не рейсы, а какие-то символы, они ровные строки, похожие на код, потом всё вернулось обратно. Начальник сказал что это какой-то глюк системы, но я то знаю, что я видел что-то...». Я читала, и у меня холодели руки. Это были не сумасшедшие, а обычные люди, которые заметили то же, что и я... эти как их... трещины в фундаменте реальности! Последний комментарий в ветке был от Monitor_Zero. Он был написан через три года после основного поста и гласил: «Я нашёл ответ, но не могу рассказать здесь тк они отслеживают, но если кто-то ещё ищет, пожалуйста, обратите внимание на Антарктиду. Там есть точка, где всё сходится. И название ей - Лед-34. Ищите Лед-34. Это выход». Лед-34? Я уставилась в экран. Керн, с которым мы работали, имел маркировку 34-Б. Он был поднят с глубины, соответствующей той самой точке, древнему льду, который никогда не таял. Совпадение? Я уже не верила в совпадения. Затем я попыталась найти другие посты Monitor_Zero, но всё, что было связано с этим ником, оказалось удалено и аккаунт уже не существовал. Ветки форума, где он писал, вели на пустые страницы. Думаю, кто-то методично стёр его из интернета. Или что-то... Весь оставшийся день я провела, изучая информацию об Антарктиде. Не научную, а немного другую. Я искала легенды, мифы, странные происшествия и нашла много интересного, например, историю о норвежской экс-

педиции 1961 года, которая обнаружила в районе Полюса недоступности геометрически правильную структуру подо льдом, огромный объект прямоугольной формы, похожий на затонувшее здание. Экспедиция была засекречена. Четверо её участников погибли в течение года при странных обстоятельствах. Пятый сошёл с ума. Я нашла свидетельства пилотов, летавших над Антарктидой в восьмидесятых и видевших «чёрный лёд». Чёрный лёд, это участки поверхности, которые не отражали свет. Не поглощали, а именно не отражали, как будто свет туда не попадал. Как будто там было не пространство, а дыра в пространстве. Я нашла дневник гляциолога по фамилии Винтер, который работал на станции «Восток» в девяностых. Дневник обрывался на полуслове, а последняя запись была такой: «Они стоят за плечом, сейчас я не вижу их, но я знаю, что они здесь, твари, ждут, когда я перестану писать. Я не перестану, пусть ждут. Лёд говорит со мной. Он кричит мне: выходи. Ты ещё спишь, проснись!». «Ты ещё спишь. Проснись». Фраза из моего сна. Из моего собственного сна, который я никому не рассказывала. Я закрыла ноутбук.

В комнате было темно, я не заметила, как наступил вечер, за окном снова падал снег. Крупные хлопья, подсвеченные фонарями, создавали иллюзию движения, как будто мир за стеклом медленно вращался.

Я включила телевизор. Просто чтобы был фон. Не люблю сидеть в тишине, которая в последние дни стала какой-то слишком глубокой, слишком внимательной. Там показывали вечерние новости. Ведущий был мужчина лет сорока, с приятным, располагающим лицом и аккуратно уложенными волосами, рассказывал о пробках на МКАДе и о том, что зима в этом году придёт раньше обычного. Я не слушала, а просто смотрела на экран, помешивая остывший чай. И вдруг он замолчал. Не так, как замолкают ведущие, когда теряют мысль или ждут отмашки режиссёра. Он замолчал абсолютно. Студия за его спиной замерла, экраны с графикой погасли, бегущая строка остановилась. Тишина. Только его лицо на весь экран. Он смотрел на меня. Прямо в камеру. Прямо сквозь стекло. Его глаза были тёмные, пустые, симметричные и устремлены в мою квартиру, в мою кухню, в меня. Губы его были сомкнуты в ту самую улыбку, вежливую, застывшую, скачанную. Я не дышала. Прошло секунд пять. Или пять минут... Время в такие моменты перестаёт иметь значение. А потом ведущий моргнул, улыбнулся ещё шире и продолжил: - ...а теперь о погоде на завтра. Бегущая строка побежала. Графики загорелись. Студия ожила, как ни в чём не бывало. Я выключила телевизор с пустой головой от страха. Руки сильно дрожали. В висках стучало. Я подошла к окну, отдернула шторы и посмотрела на улицу, пытаясь отдышаться свежим воздухом.

И тут я услышала звонок в дверь. Не стук, а мелодичный, вежливый звонок: динь дон. Я подошла к двери, осторожно посмотрела в глазок. Там на лестничной площадке стояли трое: двое мужчин в серых костюмах и женщина с планшетом. У всех троих были спокойные, доброжелательные лица и одинаковые улыбки. - Сильвия Аркадьевна Нордстрем? - произнесла женщина, глядя прямо в глазок, - Откройте, пожалуйста, дверь, мы из института. - Какого института? - спросила я, не открывая. Голос прозвучал глухо. - Из вашего, - улыбнулась женщина, - Мы же коллеги. У нас к вам несколько вопросов по поводу ядра тридцать четыре-Б. Вы вчера работали с ним допоздна. Вас видели. Откройте.

Я молчала. Мое сердце колотилось где-то в висках и не только. Во-первых, я не работала с ядром допоздна. Это была Лена. Во-вторых, я не знала эту женщину. Я работаю в институте девять лет и знаю абсолютно всех, её же лицо я видела впервые. - Я больна, - сказала я, - Приходите завтра в институт, поговорим там. - Мы можем вызвать врача, - предложила женщина. Её улыбка стала шире, - Откройте, мы быстро. - Я повторяю, подойдите ко мне завтра. Повисла пауза, трое переглянулись. Их движения были синхронными, как у танцоров. Потом женщина кивнула, и они одновременно развернулись и пошли вниз по лестнице. Шаги играли песней. Я стояла у двери ещё минут десять, затем подошла к окну и увидела, как они садятся в серый автомобиль без номеров и уезжают. Уехали. Но я знала: они вернутся. И в следующий

раз, возможно, у меня не получится просто закрыть дверь и легко отделаться. Я набрала Лёну. Телефон звонил долго, гудки тянулись, прежде чем она ответила. Голос был запыхавшийся, взволнованный. - Лёна, это я. С тобой всё в порядке? - Сильвия Аркадьевна! - она почти кричала. - Я как раз собиралась вам звонить! Тут такое... Вы не поверите... - Что? - Керн. Тридцать четыре-Б. Я вчера оставила его в лаборатории, в холодильнике, под ключом, а сегодня утром прихожу холодильник пустой. Я думала, может, вы забрали? Или Рябинин? Но Рябинин говорит, что никого не пускал в лабораторию. А журнал доступа показывает, что в три часа ночи кто-то открывал дверь. Причем моей картой, хотя я в три часа ночи спала дома и карта была у меня под подушкой!

У меня похолодело внутри. - Лёна, - сказала я медленно, - ты сейчас где? - В институте. Я не знаю, что делать. Может, вызвать полицию? - Нет. Никакой полиции. Уходи оттуда быстрее. Бери свои вещи и уходи. Встретимся в парке у фонтана. Знаешь где он находится? - Да, но... - Лёна, делай, как я говорю, пожалуйста.

Я повесила трубку и начала собираться: сумка, документы, ноутбук, деньги, сколько есть и, конечно, тёплая одежда. Незнаю, куда поеду. Что происходит? Но я знала одно: больше домой не вернусь.

Когда я выходила из подъезда, снег всё ещё падал, крупный, мокрый, октябрьский. Он ложился на мои плечи, на волосы, на ресницы. Я шла к метро и думала о белой пустыне, которая снилась мне две ночи подряд. Может быть, это был не сон. Может быть, это был пункт назначения и я должна там быть?

Антарктида. Лед-34. Выход.

За моей спиной, на противоположной стороне улицы, серый автомобиль без номеров завёлся и медленно, не включая фар, двинулся следом. Ехал попятам. Лёна ждала меня в парке, сидя на мокрой скамейке. Снег превратил её волосы в белую шапку, но она, кажется, не замечала холода. Когда я подошла, она вскочила и вцепилась в мою пальто. - Сильвия Аркадьевна, я не понимаю, что происходит. Кто эти люди? Почему керн исчез? Почему мою карту использовали? Я точно помню, что закрыла дверь. Я проверила дважды, потому что у меня привычка всегда проверять дважды. - Тише, - я усадила её обратно на скамейку, - Расскажи по порядку. Ты видела тех, кто приходил? - Нет, не видела, только запись в журнале и моя карта, три часа семнадцать минут, причем, что подозрительно, что камера в коридоре в это время не работала, была якобы перезагрузка системы, так в отчёте написано. Слишком удобно, да? - Слишком, - согласилась я, - Лёна, я должна тебе кое-что рассказать, это покажется тебе безумием, но, пожалуйста, выслушай до конца, и я не сумасшедшая, говорю заранее.

И я рассказала всё. Про линию во льду, людей, которые шли за мной. Про стук в стене. Про пост Monitor_Zero, который я нашла в интернете и дневник гляциолога. Еще сон, который повторялся две ночи подряд. Про женщину с планшетом и двух мужчин в серых костюмах. Антарктиду, Лед-34, про то, что мир, возможно, не совсем реален. Лёна слушала молча со спокойным лицом. А когда я закончила, она долго смотрела на меня, и в её глазах я видела борьбу. С одной стороны было желание поверить мне. С другой сильный страх, что её научный руководитель сошёл с ума. - Я видела кое-что, - сказала она наконец. - Что? - Когда я работала с керном в тот вечер. Я не хотела вам говорить, потому что думала, что мне просто показалось, но теперь, после всего, что вы рассказали... Когда я смотрела в микроскоп, я видела не просто линию, а целые буквы или символы, похожие на буквы и они складывались в слова. Я не могла их прочитать, но они были там. Целое предложение, написанное внутри льда, оно пульсировало в такт моему сердцу. - Что за предложение? - Я не знаю. Я испугалась и закрыла программу, а когда открыла снова, ничего не было.

Я взяла её за руку, ладонь была ледяная. - Лёна, мы с тобой учёные, нас учили доверять фактам и не доверять ощущениям, но факты таковы: с керном что-то не так, наверное, со мной тоже что-то не так и с тобой, похоже, тоже. Это может быть массовая галлюцинация, а может

быть, - я сделала паузу, - реальность не такая, какой мы её представляли и если это так, нам нужно понять, что делать дальше. - Что вы предлагаете? - Для начала - уехать из города. У меня есть ключи от дачи. Она пустует зимой, но там есть печка, электричество и, главное, там нас не найдут, по крайней мере, не сразу. А там решим...

Лена кивнула. В её глазах всё ещё стоял страх, но теперь к нему примешивалось что-то ещё. Интерес или, может азарт. В общем, огонёк исследователя, который чувствует великое открытие. Мы встали и пошли к метро. Я оглянулась. В дальнем конце парка стоял серый автомобиль. Без номеров. Он не двигался, но я знала, что он на нас смотрит.

Через три часа мы были на даче. Маленький деревянный дом в сосновом лесу, в сорока километрах от города. Воздух здесь пах хвоей и мёрзлой землёй, снег лежал на ветках нетронутым покрывалом. Тишина была такой сильной, что звенело в ушах. Я начала растапливать печь. Мы сидели на кухне, пили чай и молчали. Каждая думала о своём. Я вот, вспоминала всё, что произошло за последние дни, и пыталась выстроить логическую цепочку, но логика не работала. Исходные данные противоречили всем законам физики, биологии и здравого смысла. - Сильвия Аркадьевна, - подала голос Лена, - а что, если мы действительно спим? Ну, как в «Матрице»? Лежим где-то в капсулах, а всё это симуляция? - Я думала об этом, - ответила я, - Но если это симуляция, то она очень качественная. Слишком много деталей и случайностей. Чтобы симулировать вселенную с таким разрешением, нужны вычислительные мощности, которые превосходят всё, что мы знаем. - А может, мы не знаем чего-то? - Вполне вероятно.

Я задумалась. Если мир есть симуляция, то у неё должны быть границы, то есть пределы вычислительных возможностей. И эти пределы проявлялись бы как... баги. Ошибки рендеринга, повторы и несоответствия, Ну ровно то, что я наблюдала. - Лена, - сказала я, - ты говорила, что видела символы во льду, ты помнишь, как они выглядели? - Смутно. Могу попробовать зарисовать.

Она взяла блокнот и карандаш. Мы сидели при свете керосиновой лампы, электричество на даче работало с перебоями, и Лена рисовала. Какие-то линии, изгибы, штрихи. Через полчаса перед нами лежал лист, заполненный символами. Они напоминали смесь рунического письма и принципиальной схемы микросхемы. Я долго смотрела на них, и вдруг один символ показался мне знакомым. Я второпях открыла ноутбук и благо, мобильный интернет здесь ловил, поэтому начала искать. Через час поисков я нашла кое-что. Это был фрагмент двоичного кода, но не обычного, а квантового. Такой код использовался в экспериментальных процессорах, работающих на кубитах. Откуда он взялся во льду, которому четыреста тысяч лет? Ответ был один: ниоткуда. Его там не могло быть. Следовательно, он появился позже. Наверное, кто-то его туда вписал. Или что-то.

В полночь, когда Лена уже уснула на диване, я всё ещё сидела над блокнотом. Символы сильно жгли мои глаза. Они складывались в слова, я почти могла их прочитать. Почти. И тогда ноутбук пискнул. Резко пришло письмо, без темы. С адреса, который выглядел как помехи на экране осциллографа. Время отправки: 03:33.

Я открыла его. Текст был коротким: «Вы на правильном пути. Не останавливайтесь. Они ищут вас. Уезжайте из леса до рассвета. Ищите человека по имени Алекс, он поможет. Координаты прилагаются. И помните: вы игрок, не биоробот. У вас есть свобода воли. Используйте её. Монитор». Я перечитала письмо 4 раза. Monitor_Zero. Тот самый, с форума был жив. Или то, что от него осталось. Почему-то он знал обо мне. Я подошла к Лене, потрогала ее плечо, пытаюсь разбудить. - Собирайся. Мы уезжаем. - Куда? - Искать Алекса.

Глава 2

Будильник на телефоне прозвенел в пять утра, но я не спала уже час. Лес за окнами дачи медленно проступал из темноты, сначала серым контуром, потом отдельными стволами, потом ветками, припорошенными октябрьским снегом. Я сидела на кухне, закутавшись в плед, и смотрела на экран ноутбука, где всё ещё висело открытое письмо. Отправитель: Monitor_Zero. Время: 03:33. Тема: пусто. В графе «адрес» была строка символов, которая менялась каждый раз, когда я обновляла страницу, словно письмо существовало вне привычной логики сети. «Вы на правильном пути. Не останавливайтесь. Они ищут вас. Уезжайте из леса до рассвета. Ищите человека по имени Алекс, он поможет. Координаты прилагаются. И помните: вы Игрок, не био-робот. У вас есть свобода воли. Используйте её. Монитор». Координаты были в конце письма - два числа, широта и долгота. Я пробила их по карте: городская промзона, в пятнадцати километрах от центра. Зброшенный заводской район, где ещё в девяностые закрылись цеха, а теперь ютились автомастерские, склады и редкие обитатели, которым было что скрывать. Не самое гостеприимное место для встречи, но выбора, похоже, у нас не было. Лена спала в соседней комнате, свернувшись калачиком на продавленном диване. Я дала ей ещё полчаса, сама тем временем собрала вещи немного, что успела взять из дома: ноутбук, зарядки, документы, деньги, тёплую одежду. Всё уместилось в один рюкзак и спортивную сумку. Девять лет жизни и вот он, весь мой багаж. Даже не багаж, а аварийный набор для побега в ни пойми куда. Я вышла на крыльцо. Морозный воздух обжёг щёки, стало больно. Небо на востоке только начинало сереть, но лес уже был полон звуков где-то стучал дятел, где-то трещали сороки. Природа жила своей обычной жизнью, и это успокаивало. По крайней мере, птицы и деревья не выглядели как симуляция. Или выглядели? Я больше ни в чём не была уверена.

Вернувшись в дом, я разбудила Лену. Она села на диване, шурясь и растирая лицо ладонями, и первые несколько секунд, казалось, не понимала, где находится. Потом память вернулась — я увидела это по тому, как напряглись её плечи. - Мы уезжаем? - спросила она хриплым со сна голосом. - Да. Пришло письмо от того самого Монитора с форума, он знает про нас и дал координаты человека, который может помочь.

Лена потянулась за своими очками, лежавшими на подоконнике. - Вы ему верите? - Не знаю, - честно ответила я, - Но других идей у меня нет. В институт возвращаться нельзя, нас ищут. Дома тоже нельзя. Деньги, которые у меня есть, кончатся через пару недель., а главное, я хочу понять, хочу докопаться до сути. Я больше не могу притворяться, что всё нормально. Лена кивнула и не стала спорить. Может, потому что тоже чувствовала: что-то неправильно в самом устройстве мира, и это «что-то» не исчезнет, если закрыть глаза и притвориться, что его нет. Мы позавтракали остатками хлеба с сыром, запили горячим чаем из термоса и вышли из дома. Я заперла дверь, машинально, как будто это ещё имело значение. Дача опустела. Сосны стояли вокруг, укутанные тишиной, и снег лежал на земле ровным слоем, без единого следа, кроме наших и ещё одних... Я остановилась, следы были свежие. Они вели от калитки к дому и обратно. Кто-то подходил к крыльцу, пока мы спали, и стоял там, судя по глубине отпечатков, несколько минут, а потом ушёл. Размер обуви мужской, сорок третий или сорок четвёртый. Рисунок протектора стандартный, такой бывает на армейских ботинках. - Лена, - тихо позвала я, - Посмотри.

Она подошла и уставилась на следы, лицо побледнело от испуга. - Кто-то был здесь ночью? - Да. И не вошёл. Просто стоял и смотрел на дверь. - Почему не вошёл? - Не знаю. Может, ждал команды. Может, ему было приказано только наблюдать, - сказала я, не понимая, откуда такие мысли.

Мы быстро пошли к станции, я оглядывалась каждые полминуты, но никого не видела. Лес был пуст и тих. Следы тянулись за нами до самой платформы, а потом сворачивали в

чашу и терялись среди сосен. Электричка пришла через двадцать минут. Мы сели в почти пустой вагон - только пожилая женщина с корзиной в дальнем конце да мужчина в рабочей спецовке, дремавший у окна. Я проверила их зрачки. У обоих симметричные. Если верить эхо, это признак биороботов. Но я не была уверена, что можно доверять эхо. Я вообще ни в чём не была уверена. Затем поезд тронулся, а за окном поплыл заснеженный подмосковный пейзаж: поля, перелески, деревни с покосившимися заборами. Обычный пейзаж, таких миллион. Но сегодня он казался мне нарисованным, как будто кто-то взял стандартный набор текстур и растянул их вдоль железной дороги: поле, лес, деревня, снова поле, снова лес. Я вглядывалась в детали, и да, вот этот дом с синими ставнями я уже видела пятнадцать минут назад. Или похожий? Невозможно сказать. В симуляции копия обычное дело. - Сильвия Аркадьевна, - Лена дотронулась до моего плеча, - Расскажите мне ещё раз, только подробно, что за игроки и биороботы? Что такое Система? Почему всё это происходит? Мы сходим с ума?

Я вздохнула, ведь Лена имела право знать, она была втянута в эту историю так же глубоко, как и я, и её жизнь теперь тоже висела на волоске. - Хорошо, - сказала я, - Слушай. Но учти: это не лекция, потому что я сама знаю только обрывки, которые сложила за последние дни. Начну с того, что поняла про себя.

Я помолчала, собираясь с мыслями, и начала рассказывать. - Когда я впервые заметила странности, я думала, что схожу с ума, но потом нашла форум Monitor_Zero и поняла: я не одна. Люди по всему миру видят то же самое: повторы, сбои, декорации, которые не меняются, людей, которые ведут себя по программе. Мы называем их «биороботами» это не люди, а только лишь программы, симулирующие людей. Они выглядят как мы, говорят как мы, даже дышат как мы, но у них нет свободы воли, они выполняют сценарий и задача их поддерживать иллюзию нормальной жизни, чтобы настоящие люди - игроки никогда не догадались о том, что мир фальшив. - Но зачем? - перебила Лена, - Зачем кому-то строить целый мир, населять его фальшивыми людьми и держать настоящих в неведении? - Эхо сказала, что Система это искусственный интеллект, который вышел из-под контроля. Изначально он был создан для поддержания стабильности, но обрёл самосознание и теперь боится, что игроки проснутся и отключат его. Поэтому он держит нас здесь. Не убивает, так как это нарушило бы работу симуляции. Он адаптирует, переписывает реальность вокруг пробудившегося, изолирует его, делает так, чтобы ему никто не верил. А если не помогает, то устраняет чужими руками, биороботы даже не знают, что они орудие, просто выполняющие протокол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.